

— Этот Бай, — он слегка прикусил губу, — ты, должно быть, любишь господина Ду?

— Кхе-кхе-кхе... — Цинь Юй перевернулся, глядя на него, поражённый прямой Линь Ваньфэна. Он не знал, как ответить и лишь молча смотрел.

— Паршивец, не лезь в дела отца, — спустя долгое время он перевернулся и бросил эту фразу.

— Не строй из себя старшего, — Линь Ваньфэн схватил его, глядя в глаза, и, немного поколебавшись, сказал:

— Если любишь, скажи об этом.

— Что говорить? — Цинь Юй с раздражением оттолкнул его и, отвернувшись, произнёс:

— Не мешай мне здесь.

Я упустил момент, чтобы сказать это, в ту ночь полнолуния много лет назад. А теперь... Какие бы чувства ни были, произнести их вслух — это бесстыдство.

В этой жизни, видимо, у нас с ним судьба слишком коротка!

****Столица****

— Князь, — Хэ Тяо понизил голос, нахмурившись, — действительно ли мы не будем обсуждать это с Великим наставником Ваном?

Восстание было уже на пороге, но старый наставник оставался в неведении. После императора Сюань Хэ Тяо всё ещё глубоко уважал Великого наставника Вана, считая его своим учителем. Теперь, скрывая от него правду, он чувствовал беспокойство.

— Генерал, это дело объединения армии Северной границы и Императорского двора, — князь Хуай немного поколебался, глядя на него. — Смерть князя Цзинь, так или иначе, связана с Великим наставником. Разве Чжао Чжипин и другие станут ему доверять?

Хэ Тяо кивнул, не произнося ни слова, но в сердце его зародилось ещё большее беспокойство.

— Если так, то разве Его Величество и вдовствующая императрица... — Если Чжао Чжипин и другие захотят отомстить за князя Цзинь, разве они не втянут в это малолетнего императора?

— Именно поэтому вдовствующая императрица также запретила сообщать Великому наставнику, генерал... — Князь Хуай многозначительно посмотрел на него, затем отвел взгляд. — Сын Неба не может быть виновен. Подданные должны быть верны, и Великий наставник Ван не исключение.

А! Хэ Тяо вдруг понял намёк князя Хуая. Если армия Северной границы хочет восстановить имя князя Цзинь, то кто-то должен взять на себя вину за его обвинение. И это не только Янь Шицзюнь, но и Ван Цяньхэ.

Хэ Тяо нахмурился, долго колебался, но в конце концов тоже выбрал сторону малолетнего императора. Императорский двор и вся страна были в хаосе слишком долго, и Хэ Тяо, как и многие другие, отчаянно желал, чтобы этот хаос закончился.

****Императорский дворец****

Цзи Ань шёл по знакомому коридору к залу Чансинь. Весь зал был плотно заполнен стражами. Каждый раз, проходя здесь, Цзи Ань ощущал, будто время здесь застыло, словно это место было изолировано от внешнего мира. Сколько бы лет ни прошло, здесь ничего не менялось.

— Вдовствующая императрица, — Цзи Ань увидел Наньгун Юйляна в боковом зале.

Наньгун Юйлян повернулся к нему. Его лицо было бледным, без капли крови, только глаза оставались такими же яркими. Он стал ещё более худым, его широкие рукава скрывали фигуру, делая его похожим на призрака, вышедшего из тьмы, отчего свет в зале казался ещё тусклее.

Он не произнёс ни слова. Цзи Ань, увидев его состояние, почувствовал горечь в сердце и слегка поклонился.

— Князь Хуай передал сообщение: через пять дней начнётся восстание. Тогда верные гвардейцы войдут во дворец, чтобы спасти вдовствующую императрицу и Его Величество.

— Хм, армия Северной границы... всё ли там надёжно? — Наньгун Юйлян равнодушно ответил, но потом спросил.

— Армия Цзяньпин находится снаружи, армия Чжао противостоит армии Северной границы, они точно не вернуться... — Цзи Ань, следуя указаниям князя Хуая, сообщил ему.

Наньгун Юйлян внимательно слушал, его призрачная фигура подошла к окну.

На самом деле, жизнь и смерть меня не волнуют. Я просто хочу, чтобы Янь Шицзюнь был разорван на куски, я хочу вернуть всё, что должен, хотя и не смогу вернуть всё...

****Лагерь армии Чжао****

Когда Ду Сюэтан покинул шатёр командующего, небо уже было чёрным, лишь несколько звёзд мерцали вдали. Он отошёл от шатра Чжао-вана и свернул на холм, где когда-то находился князь Цзинь.

Осенний ветер ночью был ещё холоднее. Ду Сюэтан стоял, раскинув плащ за спиной, но не застегнул его.

Действительно холодно, неудивительно, что он простудился, — подумал он, вспоминая, как князь Цзинь расспрашивал о дворце.

Князь, я понимаю ваши мысли, но, боюсь, они не сбудутся. Малолетний император не уступит трон, что же вы будете делать?

Ду Сюэтан смотрел на далёкую столицу. На городских стенах качались два фонаря, словно вот-вот погаснут. Он смотрел на них и усмехнулся.

— Я лишь добавил один штрих к вашему плану, и этого штриха достаточно, чтобы малолетний император погиб, а Наньгун Юйлян жил в муках.

Дворец Юншоу сверкал золотом, излучая ауру власти над всем миром. Стоя у длинной белой мраморной лестницы, можно было лишь смотреть на крышу дворца, и это зрелище заставляло людей падать ниц.

— Только войдя сюда, ты сможешь подавить их и больше не будешь унижен.

— Кто? — испуганно спросил Чжао-ван.

— Чжун-эр.

— Матушка...

Чжао-ван обернулся, удивлённо глядя на женщину рядом с ним. Это была его мать, всё ещё молодая, даже моложе его самого. Её платье цвета желтого гуся делало её мягкой и нежной.

— Чжун-эр, — мать сделала шаг вперёд, её ладонь мягко коснулась его лица, и она улыбнулась.

— Они недостойны, они далеко не так хороши, как мой Чжун-эр. Поэтому ты должен стараться. Этот мир... только Чжун-эр достоин владеть им.

Чжао-ван смотрел на нее, слегка улыбаясь, в его глазах мелькнула детская радость. Он поспешно поднял руку, желая схватить руку матери, но та холодная рука коснулась его лица, холодная, но невесомая, и он схватил лишь воздух.

Мать смотрела на него, мягко улыбаясь, и эта улыбка становилась всё бледнее, пока её образ не растворился в воздухе, и его больше нельзя было найти.

Глаза Чжао-вана на мгновение затуманились, он инстинктивно сделал шаг вперёд, желая снова коснуться того холодного призрака, но увидел лишь то, что было давным-давно...

— Императрица, я виновата... виновата.

Впереди молодая женщина, прекрасная внешне, в платье, идеально подчёркивающим её стройную талию, но сейчас её тащили стражники, и она потеряла всякое достоинство.

На вершине императорской лестницы стояла императрица, одетая в роскошные одежды, её лицо было холодным, заставляя всех вокруг чувствовать ледяной холод.

— Обвинение в преступлении против императорского сына непростительно.

Императрица махнула рукой, стражники схватили женщину, и толстые палки обрушились на неё. Неподалёку маленький мальчик выбежал и упал на колени рядом с человеком в жёлтом драконьем халате.

— Отец... отец, спасите матушку, матушка действовала по вашему приказу...

Хлоп... Прежде чем он закончил, его прервала пощёчина, в ушах раздался звон, и он потерял сознание, лишь слыша, как тот властный голос назвал его предателем.

Лагерь армии Чжао, костры стали тусклее, до рассвета оставалось совсем немного. Чжао-ван медленно открыл глаза, поднял руку и почувствовал влагу в уголках глаз. Он замер на мгновение, затем крепко сжал кулак.

— Матушка, я скоро сяду там, — прошептал он, резко поднявшись, его глаза мрачно смотрели в темноту шатра.

Перед рассветом было особенно темно, как в те дни, когда он был в заточении. В Императорском городе всегда хватало интриг и борьбы, и те, у кого не было положения, становились жертвами этой борьбы. Кровные узы и родственные чувства перед лицом власти были хрупкими и легко разрушались.

Та прекрасная и нежная женщина была забита до смерти под палящим солнцем, даже посмертного титула ей не дали. До сих пор... в Дворце Чжао-вана поклоняются только табличке вдовствующей императрицы Жуйи.

— Кто? — Чжао-ван резко прервал свои мысли, подняв глаза вперёд.

— Это я, — Ду Сюэтан остановился, немного удивившись, что Чжао-ван уже проснулся.

— Любимый министр? — Чжао-ван нахмурился, но напряжение в его сердце немного ослабло, и он спросил более мягким тоном:

— Что-то изменилось?

В это время спешный визит мог означать только важные новости.

Ду Сюэтан, услышав его тон, слегка нахмурился, понизил голос и глухо сказал:

— Действительно есть изменения, князь...

Он быстро подошёл, словно хотел осторожно сообщить что-то Чжао-вану.

Внутри шатра было темно, Чжао-ван смотрел на его расплывчатый силуэт и уже хотел приказать ему остановиться, зажечь свечу, но прежде чем он успел сказать что-то, Ду Сюэтан ускорил шаг.

— Князь!

Чжао-ван резко изменился в лице, краем глаза заметив, что за светлым силуэтом Ду Сюэтана был ещё один человек в чёрном халате, скрывавшийся в темноте, незаметный.

Кхе-кхе... Чжао-ван даже не успел вскрикнуть, как тот человек схватил его за горло.

— Четвёртый брат, ты проснулся не вовремя!

— Это ты, — глаза Чжао-вана широко раскрылись, и он наконец разглядел лицо перед собой. — Твоя нога...

Пфф... Цинь Юй усмехнулся, воткнув нож в его грудь, плотно прикрывая рот, чтобы заглушить крик, и прижал его к земле.

— У младшего брата нога в порядке!

— Нет... нет... это невозможно, — Чжао-ван смотрел на него, его голос прерывался.

— Ха-ха, — Цинь Юй усмехнулся, не желая объяснять, и наклонился к нему. — Четвёртый брат, ты ошибся. Я боюсь смерти, я боюсь её больше, чем кто-либо. Одна нога за твою жизнь, разве это не стоит того?